

SYREN NIX

ТЁМНОЕ
ПЛАМЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Siren Nyx

Темное пламя

<https://litres.ru/74375747>

SelfPub; 2026

Аннотация

Один месяц в его темной цитадели в обмен на спасение родителей. Тридцать дней, когда Блум не имеет права послушаться злейшего врага.

Его просторная черная рубашка на ее голом теле. Его тяжелые, ледяные пальцы на шее, утешающие бешеный, рваный пульс. Их смертельная вражда медленно плавится в лихорадочном полумраке его спальни, превращаясь в одержимость. Она обязана подчиняться любому его приказу. Но чем отчаяннее Блум сопротивляется его власти, тем быстрее трещит по швам ледяная броня самого Валтора.

Но что случится, когда тридцать дней подойдут к концу, а долгожданная свобода покажется ей страшнее, чем сладкий плен в его руках? И кто из них выживет, когда грань между ненавистью и покорностью сотрется окончательно?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	28
Глава 5	37
Глава 6	46
Глава 7	54
Глава 8	65
Глава 9	74
Глава 10	80
Глав	85
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Siren Нух

Темное пламя

Глава 1

Кожа почувствовала чужой холод раньше, чем я успела открыть глаза и вспомнить, где нахожусь. Не алфейский — тот бывал влажным по утрам, с запахом свежей травы и тем цветочным воздухом, который Флора называла живым. Этот сидел глубоко в камне, накопившийся за столетия и переставший быть просто температурой — он был состоянием самого места.

Вчерашний вечер возвращался медленно, кусками, как всегда бывает после ночи без сна.

Ванесса... Майк... Стены сообщили об этом, когда я только открыла глаза: на рассвете, пока я спала, Валтор открыл решётку и вывел их за портал домой молча, не дожидаясь просьб. Первая мысль была облегчением, но вторая далась тяжелее. Рычага больше нет. Они в безопасности, а я здесь на месяц, и единственное, что меня удерживает — моё собственное слово, данное человеку, *которого я ненавижу* так глубоко и так хорошо, что ненависть эта стала привычной, как дыхание. Я пришла сама среди ночи, не сказав ни слова Стелле, Флоре или Скаю, потому что объяснить это не вышло бы ни у кого, включая меня.

Простыня под пальцами пахла острым озоном и жжённой медью, запахом чужого логова, впитавшимся в ткань. Мой почти сонный огонь под рёбрами едва заметно дрогнул в ответ на враждебную энергетику этого места, как дрогнет пламя свечи от сквозняка, которого ещё не слышишь.

Поднявшись с постели, я остановилась: ноги ощутили холод каменного пола, хотя обуви я не снимала. Комната оказалась огромной и пустой — голые тёмные поверхности без единого украшения, узкий проём окна, режущий серый расцвет настолько скуп, что свет казался случайным гостем. У одной стены стоял тяжёлый деревянный стол и стул, у противоположной — зеркало в почерневшей раме, отражавшее растрёпанные рыжие волосы и синяки под глазами.

Дышать было трудно, и дело было не в воздухе. Замок давил со всех сторон, как что-то живое, знающее о моём присутствии и не одобряющее его — тяжесть в лёгких, давление на виски, ощущение чужого пространства, которое тебя не приняло и не примет.

Двор за окном расстился из серого камня, сжатый высокими укреплениями без единой калитки. За ними начинался лес — плотный и тёмный, без дороги и просвета, без ничего, что указывало бы на существование мира за его границей. Никаких ворот, через которые я вчера вошла. Только камень, лес и небо цвета застывшего пепла — и где-то за этим лесом Ванесса с Майком вернулись домой, не зная, что я осталась здесь одна.

Живот сжался, стиснул рёбра изнутри — тридцать дней рядом с ним. Огонь под рёбрами толкнулся ему навстречу знакомым злым жаром, который я держала в узде уже несколько часов и намеревалась держать ещё долго.

Развернувшись к двери, я почувствовала, как воздух в комнате стал направленнее — будто кто-то сгущал его с той стороны намеренно. Ладонь легла на металл ручки, и кожу прострелило мурашками, слишком острыми для обычного утра. Пламя напряглось под запястьями в предчувствии чужого присутствия — и я толкнула дверь.

Коридор был пуст, факелы в железных держателях горели низко и почти без света, пламя едва шевелилось в неподвиж-

ном воздухе, а каменный пол уходил в обе стороны в темноту без конца. Его магия никуда не делась — шла сзади, как дыхание в затылок, как присутствие, не нуждающееся в теле.

— Завтрак в западном крыле, — сказал он у меня за спиной.

Я обернулась — огонь вспыхнул под запястьями и замер, сдержанный усилием, которое я уже тренировала всю ночь.

Он стоял у стены напротив там, где секунду назад не было никого, — высокий, в тёмном, с лицом, спокойным так, как бывает спокоен камень, которому нет дела до того, что на него смотрят. Серые глаза с фиолетовым отливом в глубине, появившимся и исчезнувшим, как уголёк под пеплом. Он смотрел на меня так, будто уже знал каждый мой следующий шаг, и это бесило сильнее всего остального.

Пошла следом по коридору, держась в трёх шагах позади. Западное крыло оказалось таким же промёрзшим, как всё остальное, — тот же давящий камень, те же факелы, горящие ровно настолько, чтобы не было полной темноты. Длинный стол с двумя приборами на противоположных концах, расставленными так, чтобы расстояние между ними нельзя было не заметить. На столе стояла глиняная кружка с горячим, лежал хлеб и сыр — всё без попытки сделать это похожим на что-то большее, чем кормёжка.

Опустилась на стул. Он остался у окна спиной ко мне, и молчание тянулось достаточно долго, чтобы в ушах начало звенеть.

— Четыре правила, — сказал он наконец, медленно поворачиваясь ко мне. Его ледяные серые глаза с фиолетовым отливом скользнули по моей шее, заставляя пульс испуганно ускориться. — За пределы замка не выходишь. Магию без моего разрешения не используешь. В мои дела не лезешь. И беспрекословно подчиняешься любому моему слову.

Кружка опустилась на стол громче, чем я планировала, а пальцы судорожно сжались вокруг глиняных краев.

— С чего бы это? — я зло прищурилась, чувствуя, как огонь под кожей горячей волной отзывается на его тон. — Я пришла сюда заключить сделку ради родителей, а не становиться твоей послушной собственностью. Я не буду тебе подчиняться.

— Будешь, — ответил он с той же интонацией, с какой говорят о чём-то решённом неделю назад.

Он сделал шаг вперед, отчего его тяжелая темная тень полностью накрыла меня, лишая возможности дышать глубоко.

— Нарушишь любое из правил или попытаешься ослушаться — твой месяц здесь превратится в два. Твои родители действительно свободны и уже возвращены на Землю, но на каждом из них лежит моя теневая печать. Стоит тебе зайти слишком далеко в своем неповиновении — и эта печать начнет медленно выжигать их легкие изнутри прямо в их доме. Твое беспрекословное послушание в обмен на их жизни и твою будущую свободу, Блум. Выбор за тобой.

Он вышел из комнаты, не оглянувшись, оставив после себя только холод в воздухе и два прибора на разных концах стола.

Я смотрела в дверной проём и держала кружку в ладонях, пока шаги в коридоре не стихли окончательно.

Потом в дверях появились трое.

Они вошли не вместе — одна за другой, как будто каждая привыкла занимать пространство в одиночку. Их магия ударила раньше, чем я успела разглядеть лица: три разных холода, острых и изучающих. Все трое смотрели молча, и в этих взглядах не было ни приветствия, ни любопытства — только оценка, быстрая и неприятная, как инвентаризация чужого имущества.

Средняя из них улыбнулась.

Глава 2

Дарси улыбнулась первой, и улыбка эта не добралась до глаз — осталась на губах, холодная и хищная, как у того, кто уже видел тебя сломанной и готов увидеть снова.

— Рыжая сучка, — сказала Сторми, и в голосе не было удивления, только презрение, знакомое и отточенное годами. — Ты правда думала, что мы тебя здесь не найдём?

Огонь под рёбрами взорвался мгновенно, толкнулся в запястья злым жаром, требуя выхода, и я стиснула пальцы на кружке так сильно, что глина треснула под ладонями.

Дарси, Айси, Сторми. Трикс. Те самые ведьмы, которые разрушили Облачную Башню, пытались убить меня трижды — и теперь стоят в дверях замка Валтора, как будто это их дом, а я просто оказалась здесь по ошибке.

— Что вы здесь делаете, — сказала я сквозь зубы, и голос вышел глухим от ярости, которую я еле держала.

— Мы? — Дарси шагнула внутрь первой, и её магия ударила липкой волной, тёмной и знакомой, той самой, что проникала в голову и выворачивала мысли наизнанку. — Мы *живём* здесь, Блум. Это *наш* дом. Вопрос не в том, что мы здесь делаем. Вопрос в том, что *ты* здесь делаешь.

Айси вошла следом — высокая, холодная, с волосами цвета льда и взглядом, от которого сводило зубы на расстоянии. Она смотрела на меня так, будто оценивала, сколько време-

ни понадобится, чтобы заморозить меня до костей, и решала, стоит ли тратить усилия.

— Он привёл тебя сюда, — сказала Айси ровным, ледяным голосом, в котором не было ни капли сомнения. — Валтор не держит здесь людей просто так. Ты либо что-то должна ему, либо он хочет что-то от тебя. Что именно?

— Не твоё дело, — ответила я, вставая медленно. Огонь под запястьями рвался наружу, золотом толкался в кожу, и я держала его последним усилием, потому что три правила ещё звенели в ушах.

Сторми рассмеялась — коротко, без капли веселья.

— Не наше дело? — Она шагнула вперёд резко, сократив расстояние до метра, и её магия ударила электрическим разрядом, острым и агрессивным. — Всё, что касается *Валтора*, — наше дело, рыжая. Он *наш*. Этот замок — *наш*. И если ты думаешь, что можешь прийти сюда и занять место рядом с ним, ты ошибаешься.

В последних словах прозвучало что-то горячее под холодом, ревнивое и собственническое, и я поняла мгновенно — они не просто живут здесь. Они считают его своим. Все трое. И моё присутствие для них — угроза, которую нужно устранить.

— Я здесь не по своей воле, — сказала я, и голос дрогнул, несмотря на все усилия его контролировать.

— И это должно нас успокоить? — Дарси наклонила голову набок, улыбаясь той же холодной улыбкой. — Ты здесь.

В его замке. Под егокрышей. Спишь в комнате, где до тебя никто не спал. Ешь за столом, где он ест. Мы видели, как он смотрел на тебя вчера. Не так, как смотрит на добычу. Не так, как смотрит на врага. Иначе.

— Вы ничего не видели, — выдохнула я, и огонь под рёбрами толкнулся так сильно, что я едва удержала его.

— Мы видели достаточно, — сказала Айси, и в её голосе прозвучало что-то окончательное, как приговор. — Ты фе-ечка. Винкс. Та самая, что сражалась с нами три года подряд. Та, что думает, что может спасти всех. А теперь ты здесь. В замке самого опасного мага измерения. Думаешь, это совпадение?

— Я не знаю, что он хочет, — сказала я, и это была правда, горькая и тяжёлая.

— Тогда узнай быстро, — Сторми усмехнулась, шагнув ещё ближе, и расстояние между нами стало критическим — полметра, слишком близко, слишком агрессивно. — Потому что мы не собираемся делить его ни с кем. Особенно с тобой.

Огонь под запястьями вспыхнул сам, золотом поднялся до локтей, и я не успела его сдержать — рефлекс сработал раньше, чем мозг.

Сторми отступила на шаг, но в её глазах загорелось торжество, злое и довольное.

— Магию используешь? — Она рассмеялась. — Он сказал без разрешения нельзя. Ты только что нарушила, рыжая. Интересно, что он скажет на это.

Пламя погасло мгновенно, но поздно — они видели, все трое, и в их взглядах читалось удовлетворение, как у охотников, загнавших добычу в ловушку.

Дарси развернулась первой, двинувшись к двери, и две другие последовали за ней — медленно, давая мне понять, что уходят не потому, что закончили, а потому что получили то, за чем пришли. У порога Айси остановилась и обернулась, и в её взгляде был лёд, чистый и режущий.

— Не лезь в северное крыло, — сказала она тихо. — Там его кабинет. Туда входим только мы. Если зайдёшь без приглашения — он не простит. А мы не забудем.

Дверь закрылась за ними почти без звука, и я осталась одна в огромной промёрзшей комнате с треснувшей кружкой в руках.

Огонь под рёбрами всё ещё рвался наружу, толкался в запястья, требовал сжечь всё, что только что произошло, но я загнала его вглубь усилием, от которого свело челюсть.

Трикс. В замке Валтора. Живут здесь. Считают его своим. Все трое влюблены в него — это читалось в каждом слове, в каждом взгляде, в той ревности, что звенела между строк. Месяц под одной крышей с теми, кто хочет меня мёртвой с первого дня в Алфее.

Я поставила треснувшую кружку на стол и вышла в коридор.

Если я здесь на тридцать дней, нужно понять хотя бы одно: где в этом замке можно дышать без ощущения, что каж-

дая стена ждёт, когда ты сломаешься.

Коридор тянулся в обе стороны одинаково — серый камень, факелы, холод, въевшийся так глубоко, что казался живым. Я пошла направо, потому что налево вела лестница вниз, а вниз — это капитуляция, и я не собиралась сдаваться в первый же день.

Шаги отдавались эхом, искажённым и чужим, будто замок слушал и запоминал. Огонь под рёбрами затих, но не спал — прислушивался к магии, пропитавшей стены, древней и холодной, старше любой ненависти.

Первая дверь слева — закрыта. Справа — тоже. Третья поддалась без усилия, открываясь в пустую комнату с окном, узким и тёмным. Никакой мебели, только пыль и холодный сквозняк.

Четвёртая дверь вела в библиотеку.

Остановилась на пороге, и огонь под рёбрами дёрнулся от неожиданности — в ледяном мёртвом замке вдруг обнаружилось что-то живое. Стеллажи до потолка, книги в кожаных переплётах, стол у окна с чернильницей и пером, оставленными так, будто кто-то только что вышел. Воздух здесь был теплее — не горячий, но не мёртвый, пахло старой бумагой, чернилами и чем-то древним, знакомым на уровне инстинкта.

Шагнула внутрь, и дверь за спиной закрылась сама — мягко, как будто кто-то придержал.

— Нашла, — сказал он сзади.

Огонь взорвался под запястьями мгновенно, золотом вспыхнул до локтей, и я обернулась, не успев его остановить.

Валтор стоял у окна там, где его не было секунду назад, с книгой в руках, которую откладывал на стол медленно, не торопясь. Посмотрел на пламя на моих руках, потом на моё лицо, и в его взгляде не было ни удивления, ни гнева — только фиксация, холодная и точная, как у того, кто ведёт счёт.

— Магию без разрешения, — сказал он тихо, делая медленный шаг ко мне. — Второй раз за час.

Огонь погас мгновенно, и холод ударил в запястья так резко, что я поморщилась, пытаюсь скрыть слабость.

— Ты появился из ниоткуда, — сказала я, стараясь говорить твердо, но голос все же дрогнул на последнем слове. — Это рефлекс.

— Твой рефлекс — моя проблема только если я позволю ему ею стать, — его тяжелая ладонь неожиданно жестко перехватила мое запястье, пальцы сжались ледяным замком, полностью гася остатки золотых искр под кожей. — Ты не контролируешь свою силу, Блум. Ты нарушаешь правила.

Хватка была железной, причиняющей тупую, давящую боль, но я упрямо попыталась выдернуть руку, хотя разница в силе казалась смехотворной.

— Месяц плена становится двумя? — процедила я сквозь зубы.

— Нет, — ответил он, наклоняясь ко мне так близко, что его дыхание обожгло висок, а тяжелая темная аура буквально лишила возможности глубоко вдохнуть. — Я списываю это на твою дикость и даю одну-единственную поблажку, пока ты не привыкла к правилам цитадели. Но если ты применишь искру без моего приказа еще раз — я без колебаний удвою твой срок, а печать на твоих родителях сработает немедленно. Ты поняла меня?

Я стиснула челюсти от бессильного гнева, отказываясь отвечать, но пальцы Валтора сжались на запястье сильнее, заставляя суставы болезненно хрустнуть.

— Я жду ответа, Блум. Ты поняла?

— Да, — процедила я, глядя ему прямо в глаза с чистой, неразбавленной ненавистью.

Валтор медленно разжал пальцы, окинул меня долгим, предупреждающим взглядом и развернулся к столу, беря

книгу обратно. Разговор закончился так же внезапно, как и начался.

Я стояла посреди библиотеки и смотрела на его спину, и огонь под рёбрами больше не рвался — замер в ожидании, тяжёлом и напряжённом, как перед грозой.

— Трикс сказали, что они живут здесь, — сказала я, потому что молчать было невыносимее, чем говорить.

— Живут.

— Они твои союзницы?

— Да.

— Они думают, что ты их.

Он поднял взгляд медленно, и в этом взгляде было что-то, что заставило огонь под рёбрами замереть окончательно.

— Они думают многое, — сказал он. — Это не делает их мысли правдой.

— Они ненавидят меня.

— Да.

— И ты привёл меня сюда, зная это.

— Да.

Он снова вернулся к книге, и в его позе, в том, как он держал страницу, читалось безразличие, абсолютное и холодное, как лёд на дне колодца.

Я развернулась к двери, но рука легла на ручку и замерла.

— Почему библиотека тёплая, — спросила я, не оборачиваясь.

— Потому что книги горят, — ответил он тихо, и в голосе

не было насмешки, только констатация факта.

Дверь открылась подо мной, и я вышла в холодный коридор, где эхо шагов возвращалось искажённым, где каждая стена знала, что я здесь лишняя.

Тридцать дней.

Два нарушения за час.

Трикс, которые хотят меня мёртвой.

И Валтор, который привёл меня сюда, зная всё это, и читает книгу в двух метрах, как будто ничего из этого не имеет значения.

Глава 3

В библиотеку вернулась после обеда, когда убедилась, что магия Трикс больше не давит в затылок из каждого угла.

Дверь открылась без звука, и воздух внутри встретил теплом, непохожим на всё остальное в этом замке. Огонь под рёбрами дрогнул ему навстречу, расслабился чуть больше, чем я собиралась позволить, и пришлось остановиться на пороге, давая себе секунду.

Шкафы уходили под потолок — выше, чем в остальных комнатах, будто это место строили с расчётом, что места должно хватить навсегда. Корешки в кожаных переплётках плотно стояли один к одному: тёмно-синие, бордовые, чёрные, рыжеватые от времени. Ни одной надписи, которую я могла бы прочесть, — языки чужие, алфавиты незнакомые, письмена, похожие на магические руны, но совсем другие.

Прошла вдоль первого шкафа, не трогая ничего. Просто смотрела.

На нижней полке у окна стояли книги меньшего формата — без надписей на корешках, и одна из них оказалась чуть выдвинута вперёд, как будто её недавно вынимали и поставили не до конца. Огонь под рёбрами дёрнулся, и я прислушалась к нему, потому что за годы в Алфее научилась: он редко реагировал без причины.

Потянулась к ней, вынула из ряда.

Обложка была тёплой — не температурой комнаты, а собственным теплом, исходящим изнутри, будто в переплёте что-то жило. Тиснение на коже оказалось золотым — тонкий рисунок, похожий одновременно на дракона и на пламя, и при свете факела оно отливало розовым, тем самым оттенком, который я знала уже давно, потому что именно таким был мой огонь в самом начале, до того как стал ярче.

Пальцы обожгло. Не больно — как прикосновение к тёплому металлу в летний день, острое и приятное одновременно. Огонь под рёбрами поднялся выше, потянулся к обложке под кожей запястий, и руки сжимали её крепче, хотя я этого не хотела.

Страница открылась сама — будто ждала этого.

Текст был написан от руки, мелко и плотно, незнакомыми символами — прочитать ни слова. Но в нижнем углу страницы был рисунок: маленький и точный, выполненный той же золотой краской, что тиснение на обложке. Два пламени рядом — тёмное с фиолетовым краем и светлое, почти белое в сердцевине. Они не сливались и не гасили друг друга. Просто горели...

Смысла в этом рисунке я не понимала, но огонь под рёбрами понимал — тянулся к нему так настойчиво, что пальцы начали подрагивать от усилия удержать его на месте.

День в этом месте прошёл незаметно. Листала то, чего не могла читать, рассматривала рисунки, которые понимала слишком хорошо, сидела на полу у нижней полки с тяжёлым

томом на коленях, пока факелы не разгорелись ярче сами собой, отвечая на темноту за окном.

Его магия появилась раньше, чем он вошёл, — холодная, фиолетовая, давящая на виски. Огонь под рёбрами напрягся, сжался, встал на взводе.

Валтор остановился в двух шагах, принося с собой волну тяжелой, удушающей магии, от которой заложило уши. Его взгляд опустился на обложку в моих руках, и зрачки мага на долю секунды хищно расширились, почти полностью затопив радужку фиолетовой тьмой.

— Отдай мне, — тихо произнес он. Голос звучал негромко, но в нем вибрировала такая властная сила, что Огонь Дракона под моими ребрами испуганно сжался.

— Что это за книга? — я упрямо прижала теплый кожаный переплет к груди, делая шаг назад и глядя на него снизу вверх с нескрываемым вызовом.

Валтор сделал шаг вперед, мгновенно сокращая дистанцию. Он наклонился надо мной, полностью лишая пространства для маневра. Его ладонь легла поверх моей руки, державшей книгу. Пальцы мага сжались с такой силой, что я глухо охнула, чувствуя, как кости запястья едва не трещат под его давлением. Его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от моего, и я увидела опасный оскал на его губах.

— Я не привык повторять дважды, — прошептал он, и его темное дыхание коснулось моих губ. — Ты отдаешь её сама. Сейчас.

Боль в пальцах стала невыносимой, и я была вынуждена разжать хватку. Валтор легко вырвал книгу из моих рук. Он не отстранился сразу — его тяжелый, сканирующий взгляд скользнул по моему лицу, задерживаясь на губах, а затем опустился к шее, где бешено билась жилка.

— Это пятое правило, Блум, — сказал он, выпрямляясь во весь рост и небрежно возвращая фолиант на место, в самый конец полки. — Эту полку ты не трогаешь. Попытаешься взять отсюда хоть один свиток — и я найду способ наказать тебя физически. Без всяких теневых печатей на твоих родителях. Лично.

— С чего вдруг такие ограничения? — я потерла затекшее запястье, на котором уже проступали багровые следы от его пальцев, и посмотрела на него с чистой, обжигающей яростью. — Боишься, что я найду в твоих пыльных архивах то, что поможет мне сжечь этот замок вместе с тобой?

Молчание тянулось достаточно долго, чтобы понять — ответа не будет.

Валтор повернулся к стеллажу, снова потянул на себя только что убранную книгу, повернул её так, чтобы тиснение оказалось к свету, и посмотрел на него секунду — не на меня, на рисунок — потом убрал том под мышку и выпрямился.

— Ужин в западном крыле, — сказал он, направившись к двери. — Через час.

— Подожди.

Он остановился не оборачиваясь.

— Рисунок на первой странице, — сказала я, стараясь говорить твердо, но голос все равно вышел тише, чем я хотела. — Тёмное пламя со светлым. Что это значит?

Пауза между нами была плотной, как стена.

— Через час, — повторил он и вышел, унося том с собой.

Дверь закрылась за ним мягко, и библиотека стала тише, чем до его прихода, — тишиной, в которой что-то осталось висеть в воздухе незаконченным.

Огонь под рёбрами не успокоился. Тянулся к тому месту на полке, к отпечатку тепла на ладонях, к рисунку, который я видела несколько минут и который теперь стоял перед глазами с такой отчётливостью, будто смотрела на него часами.

Поднялась, отряхнула одежду и вышла в коридор, потому что сидеть в пустой библиотеке с этой мыслью было хуже, чем идти на ужин, где снова окажется он и снова окажется молчание.

На полке у окна осталась пустота — ровный квадрат пыли там, где стоял том.

И единственное, о чём я думала, пока шла по коридору: он унёс том не объяснив. Правила не было. Значит, причина не в нарушении — она в иллюстрациях, которые он не хотел, чтобы я видела.

Глава 4

Книгу я вытянула с нижней полки почти наугад, когда пальцы устали от бесконечного перебора незнакомых корешков. Тонкий переплёт из потрескавшейся кожи хранил в себе чужой холод и влагу замковых стен, но стоило мне опуститься на пыльный каменный пол, прислонившись спиной к массивному дубовому стеллажу, как огонь под рёбрами неожиданно притих. Здесь, среди бесконечных рядов фолиантов, его магия расслабляла свои тиски, находя странное, извращённое сходство с собственными ритмами. Я перелистывала страницы, не в силах разобрать ни единого слова чужого алфавита, и цеплялась за иллюстрации — грубые схемы магических потоков, анатомические разрезы заклинаний и сложные графические орбиты.

Его присутствие ощутилось задолго до того, как скрипнула тяжёлая дверь. Фиолетовая волна холода прокаталась по каменным плитам пола, заставляя волосы на руках встать дыбом. Я не подняла головы, продолжая скользить пальцами по схеме пересечения стихий.

— Опять здесь, — произнес он.

Это не было вопросом. Голос звучал ровно, без тени раздражения или удивления, будто его радар был настроен на моё местоположение каждую секунду суток.

— Это библиотека, а не северное крыло, — ответила я,

переводя взгляд на развороты книги. — Здесь находиться разрешено.

Шаги приближались мягко, бесшумно, пока тень не упала на раскрытые страницы. На нём была расстёгнутая на верхние пуговицы тёмная рубашка из тонкого шёлка, сквозь которую угадывался рельеф жестких мышц груди и широких плеч. Светлые пряди длинных волос спадали вперед, затеняя лицо, но его серые глаза с неуловимым фиолетовым отливом в глубине смотрели на меня с той ледяной сосредоточенностью, от которой по позвоночнику бежал озноб.

— Встань.

В этих двух словах крылось нечто непререкаемое, заставившее мышцы моего тела среагировать быстрее, чем мозг успел выстроить защиту. Я поднялась на ноги, сжимая книгу в пальцах так сильно, что ногти впивались в кожу ладоней.

Он стоял слишком близко. Его глаза гипнотизировали, лишая воли.

— Положи на стол.

— Зачем?

— На стол, Блум. Сейчас.

Его произнесение моего имени действовало как удар хлыста — в нём сплетались арктический холод и скрытый, тлеющий под поверхностью жар. Я шагнула к массивному дубовому столу и швырнула фолиант на дерево, но отступить назад не стала. Мои ступни вросли в каменный пол, демонстрируя упрямство.

Валтор протянул руку к книге. Его чёрные кожаные перчатки сидели плотно, обтягивая длинные пальцы. Медленно, с жуткой, демонстративной неспешностью он начал стягивать их одну за другой, обнажая крупные кисти с сильными пальцами и вздутыми венами.

— Ты дерзишь, — сказал он, не отрывая взгляда от обложки.

— Я отвечаю на твои вопросы.

— Ты дерзишь, надеясь, что за этим спрячется твой страх.

Но твой огонь выдает тебя с головой.

— Я ничего не боюсь, — бросила я, чувствуя, как кровь приливает к вискам.

Его взгляд метнулся вверх. Расстояние между нами сократилось в одно мгновение. Он возвышался надо мной так подавляюще, что воздух в лёгких мгновенно кончился.

— Повтори, — прошептал он.

— Нет.

Одним быстрым, жестким движением он подхватил меня под бёдра и усадил на край дубового стола. Прежде чем я успела соскользнуть, Валтор шагнул вплотную, вклиниваясь своим телом между моих разведенных коленей. Его бедра прижали мои ноги к боковинам стола, а тяжелый корпус навис сверху, не оставляя пространства для маневра. Тонкая ткань его рубашки была горячей, контрастируя с ледяным запахом озона, исходившим от его кожи. Я коснулась ладонями его груди, пыталась оттолкнуть и почувствовала, как под шёлком бешено и тяжело бьется его сердце.

— Отойди от меня, — выдохнула я, судорожно пытаюсь свести бедра вместе, чтобы закрыться от его подавляющей близости.

— Нет, — отрезал он, и его ледяное дыхание коснулось моих губ, заставляя замереть.

Я упрямо попыталась сопротивляться, сжав колени с такой силой, что мышцы задрожали, но Валтор лишь усмехнулся. С легким, почти небрежным усилием он надавил ла-

донями на внутреннюю сторону моих бедер, насильно разводя ноги в стороны и прижимая их к краям стола.

— Ублюдок, ты не имеешь права... — процедила я сквозь зубы.

— Заткнись, — тихо оборвал он, и его ладонь жестко обхватила мою шею, фиксируя на месте. — Еще один звук из твоего рта, Блум, и мне придется заткнуть его самому. Наиболее грязным способом. Ты меня поняла?

Я с трудом сглотнула, чувствуя, как кожа горит под его ледяными пальцами, и была вынуждена подчиниться, замолкнув и с ненавистью глядя ему в глаза.

— М-хм...Вот так... — в его голосе зазвучали темные, издевательские ноты. Он скользнул рукой под мою юбку, и его пальцы жестко зацепили край белья, одним резким движением оттягивая его в сторону. Ткань затрещала, открывая его взгляду то самое сокровенное, что я берегла и в своих девичьих мечтах хотела подарить только Скаю.

— Смотри на меня, — приказал Валтор — Твой смазливый принц никогда бы не увидел тебя такой. Горячей, влажной, дрожащей от страха передо мной. Какая хорошая, послушная девочка...

Мое тело предательски отзывалось на его слова. Живот скрутило спазмом, а внизу живота начал скапливаться невыносимый, душный жар. Медленно, дразняще Валтор прижал подушечки пальцев к чувствительному бугорку, оглаживая его по кругу. Он слегка надавливал, заставляя меня выги-

баться навстречу его руке, а после проводил пальцем сверху вниз, собирая выступившую влагу и размазывая ее по нежной плоти. Я чувствовала каждое скольжение его кожи, каждый тактильный микро-контакт, от которого голова шла кругом.

Остановившись у самого входа, он на долю секунды замер, наслаждаясь моим прерывистым дыханием, а затем медленно, до самого упора протолкнул внутрь один палец.

— Блять, Блум... Какая же ты тесная, — хрипло выдохнул он мне в шею, и его зубы ощутимо прикусили кожу над ключицей. — Изумительно тесная и горячая. Изнутри ты буквально плавишь мои пальцы. Ты ведь уже течешь ради меня, верно?

— Пошел... ты... — прохрипела я, захлебываясь от унижения и ярости, но он не дал мне договорить.

В ответ на мою дерзость Валтор зло сузил глаза и непреклонно, с силой втиснул следом второй палец. Острая, распирающая боль прошла тело, заставляя меня дернуться. Из горла едва не вырвался крик, но я намертво зажала его в себе, кусая губы до тех пор, пока на них не выступила солоноватая кровь.

— Всё еще пытаешься показывать зубы? — прошептал он, и его ладонь намертво легла на мой рот, полностью лишая возможности дышать свободно. — Не смей шуметь.

Его пальцы внутри меня начали двигаться, задавая жесткий, глубокий и неотвратимый ритм. С каждым моим без-

молвным содроганием он толкал пальцы глуже, ускоряясь и целенаправленно изводя меня. Мой разум кричал, что это враг, чудовище, пленившее моих родителей, но тело предательски сжималось вокруг его руки, требуя больше, растворяясь в его ледяном озоне и диком внутреннем жаре.

Грохот разорвал тишину замка с такой силой, что дубовые стеллажи задрожали. Факелы затрещали от резкого перепада магического давления, и я вздрогнула от неожиданности, распахивая глаза.

Потолок моей комнаты. Серый рассвет за окном. Тишина, от которой звенело в ушах.

Я лежала на кровати, тяжело дыша, сжимая в кулаках простыню. Моё бельё было влажным, а между бёдер до сих пор пульсировал жгучий, неистраченный жар.

Я ненавидела себя. Ненавидела своё собственное тело, которое так легко, безвольно предало меня во сне, откликаясь на ласки злейшего врага. Как я могла позволить ему делать это? Даже в кошмарном бреду, даже в наваждении... Он — монстр, держащий моих родителей в сыром подzemелье, а я выгибалась навстречу его пальцам, сходя с ума от удовольствия. Отвращение к себе сдавило горло сухим спазмом.

На полу у постели валялась раскрытая книга.

Я свесила руку, поднимая фолиант. Страница была открыта на середине:

Там, где встречаются два пламени одной природы, между ними рождается то, что не принадлежит ни одному из них.

Первый, кто это увидит — уже не тот, кем был прежде. Первый, кто почувствует — будет гореть всю жизнь.

Книга выскользнула из ослабевших пальцев обратно на пол.

Я не помнила, чтобы брала эту книгу с собой в комнату вчера вечером. Я оставила её в библиотеке.

Под подушкой отчетливо и резко пахло озоном и жженой медью.

Глава 5

Я проснулась от резкого, удушливого ощущения жара в груди, будто проглотила тлеющий уголь.

Одеяло было скомкано у ног, а простыня под моим телом казалась влажной от пота. Кожа на щеках и шее горела так ярко, словно меня прижали раскалённым металлом. Я резко села на кровати, судорожно хватая ртом сухой, промёрзший воздух спальни, но он не приносил облегчения. Дыхание срывалось на хрип, а пальцы рефлекторно скользнули по шее, оглаживая ключицы в тщетной попытке стереть фантомные следы чужих губ и ледяного дыхания.

Это был сон. Только сон. Наваждение, сотканное из замковой сырости и моего собственного воспаленного разума.

Но тело отказывалось подчиняться рассудку. Нижняя часть живота пульсировала тупой, ноющей болью, а между бёдер сохранялся предательский, лихорадочный жар. Я сжала зубы до боли в челюсти, испытывая к самой себе такую яростную ненависть, что огонь под рёбрами взметнулся волной, едва не прожжа ночную сорочку.

Я ненавидела себя за эту слабость. Как моё тело могло ответить врагу — тому самому чудовищу, чей смертоносный теневой гнет висел над моими родителями на Земле? Я задохнулась от омерзения к собственным реакциям, к этой проклятой искре в крови, которая реагировала на его ледяной озон быстрее, чем мозг успевал выстроить защиту.

На полу у кровати лежала раскрытая книга. Тот самый фолиант, который я вчера оставила в библиотеке.

Наклонившись, я подняла тяжелую кожу переплёта. Страница оказалась заломленной посередине. Я разгладила плотную бумагу дрожащими пальцами и всмотрелась в строки, написанные незнакомым угловатым шрифтом, который теперь почему-то читался без труда. Я поспешно захлопнула книгу и положила её на тумбочку, подальше от себя, стараясь даже не смотреть на тиснение.

Утро принесло серый, холодный свет, едва пробивающийся сквозь щели деревянных ставней. Я умылась ледяной водой из кувшина, заплела волосы в тугую, до боли натянутую косу и долго всматривалась в свое отражение в мутном зер-

кале. Голубые глаза казались чужими, а в глубине зрачков всё ещё тлел остаток ночного жара.

Замок встретил меня привычной, давящей тишиной. Красное пламя факелов горело ровно, не потрескивая, а мои шаги глухо отдавались от каменных стен по пути к библиотеке.

Дверь книгохранилища оказалась приоткрыта. Изнутри тянуло запахом воска и старого пергамента. Я шагнула в комнату и замерла.

Валтор стоял у высокого стеллажа спиной ко мне. На нём была та же тёмная рубашка из тонкого шёлка с расстёгнутыми верхними пуговицами. Его взгляд был направлен на полки, а длинные светлые волосы падали на плечи. Когда он медленно повернулся, его серые глаза с фиолетовым отливом скользнули от моего лица к шее и задержались у ключиц, где платье приоткрывало кожу. Это внимание ощущалось физическим прикосновением, заставившим меня внутренне сжаться.

— Книга о договорах, — сказал он, кивнув на стол, где лежал раскрытый том. — Я думал, ты будешь читать ее дольше.

Я подошла ближе, заставляя себя держать голос ровным.

— Я уснула, страницы поплыли, — ответила я, стараясь не смотреть на него.

— И что ты видела в своей темноте? — спросил он.

Валтор смотрел на меня с легким любопытством, словно разглядывал разгаданную загадку.

— Ничего, — соврала я, выдерживая его взгляд. — Просто пустоту.

Маг улыбнулся медленной, понимающей улыбкой, которую я сразу возненавидела за то, что она выдавала его превосходство.

— Пустоту, — повторил он. — А мне казалось, что в моих стенах достаточно образов.

Он сделал шаг вперед, заставляя воздух между нами сгуститься, и я машинально отступила назад, подчиняясь инстинкту самосохранения.

— Ты боишься меня, — констатировал он.

— Я не боюсь, — ответила я, сжимая пальцы.

— Тогда почему ты отступаешь?

Я замерла, злясь на то, как легко он замечает каждую мою слабость.

— Потому что ты стоишь слишком близко, — процедила я.

— И что случится, если я подойду вплотную?

Он сделал еще один шаг. Я не двинулась с места, заставив себя стоять на ледяных плитах и смотреть прямо в его серые глаза, пока огонь под моими ребрами яростно бился о кости.

— Ты сгоришь, — пообещала я.

Валтор улыбнулся шире, словно получил именно то подтверждение, на которое рассчитывал. Он обошел стол и остановился у самого края, возвышаясь надо мной темным силуэтом.

— Тебе нечего стыдиться, — его голос звучал низко. — Желание — это не слабость. Это тот же огонь, а ты — его фея. Ты просто не готова признать, что твоя сила хочет гореть для меня.

— Ты слишком много о себе думаешь, Валтор, — холодно ответила я. — Мой огонь не принадлежит никому. Он просто мой.

Он опустил ладонь на раскрытую страницу книги, лежащей на столе. Его пальцы коснулись золотых строк.

— Этот текст написан на стародоминском, — сказал маг, и его тон мгновенно стал жестким, лишенным прежней мягкости. — Язык древних правителей Дракона. Язык первой искры. Ты смогла прочесть его во сне, потому что твой огонь почуял родную магию. Но твое бодрствующее сознание слепо. Ты не можешь разобрать и половины символов, когда смотришь на них сейчас.

Я промолчала, понимая, что он прав. Символы на бумаге снова казались мне сложной, нечитаемой вязью.

— Твоя магия нестабильна, Блум, — продолжил Валтор, и его глаза потемнели, становясь холодными, как грозовое небо. — Твоя Алфея научила тебя детским фокусам, но не дала понимания первородной силы. Без древних заклинаний призыва и удержания твой собственный огонь выжжет тебя изнутри. Рано или поздно он прорвет твои щиты и превратит твое тело в пепел. Тебе нужно научиться стародоминскому, если ты хочешь выжить.

— Я справлюсь сама, — бросила я, хотя горло сдавило сухим спазмом от его слов.

— Нет, не справишься, — отрезал он. Его ладонь тяжело опустилась на столешницу рядом с моей рукой, обдав кожу волной ледяного озона. — Твое упрямство убьет тебя быстрее, чем закончится этот месяц. Я буду учить тебя. Урок начнется сегодня вечером, здесь.

— Я не собираюсь учиться у тебя, — я резко развернулась, собираясь уйти, но Валтор среагировал быстрее.

Жестким, властным движением он перехватил мое запястье. Прежде чем я успела выставить защиту, маг дернул меня на себя, заставляя врезаться грудью в его широкую грудную клетку. Его вторая рука мгновенно легла мне на талию, намертво фиксируя мое тело на одном месте и лишая малейшего пространства для маневра. Расстояние исчезло. Я оказалась зажата в тисках его ледяного озона и удушающей, тяжелой темной магии, которая хлынула в мои вены через точку контакта на запястье, полностью парализуя мышцы. Мой собственный огонь вспыхнул золотыми искрами, но тут же испуганно затаился, гаснув под ледяным давлением его пальцев. Я не могла сделать ни вдоха, ни шага назад — тело предательски отказалось меня слушаться, подчиняясь его воле.

— У тебя нет выбора, Блум, — его низкий, рокочущий голос прозвучал прямо над моими губами. Он наклонился так близко, что его дыхание осело паром на моей коже, а се-

рые глаза приглушили мою волю, заставляя смотреть только на него. — Ты либо примешь мои условия и научишься контролировать зверя под своими ребрами, либо сгоришь прямо в этом замке. Теневая печать на твоих родителях срывается незамедлительно, выжигая их легкие изнутри. Спасти их будет некому. Соглашайся. Живо.

Я смотрела в его глаза, чувствуя, как внутри все дрожит от бессильной ярости и страха перед правдой его слов. Мое запястье горело от холода его хватки, а скованное тело мелко дрожало, неспособное пошевелиться без его позволения.

— Хорошо, — выдавила я сквозь сжатые зубы. — Я согласна.

Валтор медленно разжал пальцы, освобождая мою руку. На коже остался четкий белый след, постепенно наливавшийся красным.

— В девять вечера, Блум. Не опаздывай, — сказал он, развернулся и вышел из библиотеки.

Я осталась стоять посреди пустого зала, сжимая кулаки до боли в ладонях, пока фантомный жар его присутствия продолжал обжигать мне лицо.

Вечер пришел быстро, принеся с собой густые тени, поползшие по углам библиотеки. Я сидела за столом у окна, всматриваясь в серые сумерки за стеклом. До назначенного времени оставалось несколько минут. Воздух в замке казался необычайно плотным, давящим на плечи, словно перед бурей.

Внезапно тишину коридора разорвал тихий, скользящий цокот каблучков. Но это были не шаги Валтора.

Я замерла, прислушиваясь. Шаги Трикс. Они приближались к кабинету мага, расположенному в конце коридора. А следом за ними послышался низкий, ровный голос Валтора. Их голоса за каменной стеной звучали приглушенно, но я отчетливо расслышала резкий, злой выкрик Сторми:

«С каких это пор эта рыжая сучка разгуливает по замку как хозяйка?!»

Я сжала пальцы на деревянном подлокотнике кресла, чувствуя, как кровь в жилах превращается в жидкий огонь. Напряжение в воздухе стало почти осязаемым. Урок еще не начался, но за стенами библиотеки уже затягивалась петля, из которой не было выхода.

Глава 6

Стрелки башенных часов в коридоре замка двигались медленно, словно увязая в тяжелом, застоявшемся воздухе. Я сидела за массивным дубовым столом в библиотеке, чувствуя, как с каждым ударом пульса в висках нарастает глухое, лихорадочное напряжение. На мне была та же одежда, в которой я сбежала из Алфеи — короткий топ и юбка, открывающие полоску кожи на животе и колени. Других вещей у меня не было, и этот факт постоянно напоминал о временности моего пребывания здесь, о кандалах договора, затягивающихся на горле с каждым днем.

Стрелка перешагнула девятичасовую отметку, когда дубовая дверь открылась без единого звука.

Волна тяжелой, плотной магии прокаталась по каменному полу за секунду до того, как в проеме показался Валтор. Он не спешил переступить порог, останавливаясь в тени арки, высокий, темный и неотвратимый. В тусклом свете оплывающих свечей его длинные светлые волосы казались серебряными, а серые глаза с пронзительным фиолетовым отливом прожигали меня насквозь. Он смотрел на меня с тем хищным, расчетливым интересом, с каким охотник изучает пойманного зверя, еще не решив, добить его сразу или позволить побиться в силки.

— Опоздание на минуту считалось бы хорошим тоном

для феи, решившей бросить вызов ночи, — произнес он ровно, делая первый шаг внутрь. Его голос прозвучал тихо, но каждый звук отдавался под сводами книгохранилища. — Но ты пришла вовремя. Значит, страх перед тем, что ждет тебя внутри, оказался сильнее твоей фальшивой гордости.

— Я не боюсь тебя, — бросила я, поднимаясь из-за стола. Голос прозвучал чуть громче, чем следовало, выдавая скрытое напряжение и дрожь в коленях.

— Страх — это естественная реакция организма на неминуемую гибель, Блум, — ответил он, приближаясь размеренным, бесшумным шагом. — Глупо отрицать то, что заложено в твоей крови. Ты дрожишь не от холода этого замка. Ты дрожишь оттого, что твое тело помнит, кто здесь настоящий хозяин.

Он остановился в шаге от меня. Воздух между нами мгновенно накалился. Первородная сила мага питалась темным, жгучим пламенем, полыхающим в самой сердцевине его существа. От него исходил давящий жар, смешанный с запахом озона и горелой меди. Столкновение двух пламеней — моего светлого Огня Дракона и его древней, истерзанной веками тьмы — превращало воздух в раскаленную плазму. Между нашими телами будто натянулась невидимая стальная струна, звенящая от малейшего вдоха.

Валтор положил на стол тяжелый фолиант в потрепанном кожаном переплёте — тот самый, который он унес накануне. Книга глухо стукнула о дерево, поднимая облачко вековой

пыли.

— Открывай.

Я не двигалась, сжимая пальцы в кулаки так сильно, что ногти больно впивались в ладони через тонкую ткань алфейского топа.

— Мы договаривались говорить о договорах, — произнесла я, упрямо задирая подбородок.

— Мы будем говорить о том, как выжить, когда твой собственный огонь решит разорвать тебя изнутри, — жестко оборвал он меня. Его рука легла на обложку книги, а длинные пальцы в черных перчатках медленно провели по золотому тиснению в виде переплетенных языков пламени. — Стародоминский язык — это не просто набор мертвых символов из архивов падшего королевства. Это единственный код, способный усмирить бурю в твоих венах. Твоя Алфея пестовала твою слабость, учила тебя испускать искры ради красивых заклинаний. Но первородная сила не терпит дилетантов. Каждое слово на этих страницах способно либо спасти твою жизнь, либо сжечь тебя дотла за долю секунды. Читай первую строку.

Я опустила взгляд на развернутые страницы. Передо мной лежала темная вязь угловатых рун.

— Я не могу, — выдохнула я, чувствуя, как горло сжимается от спазма. — Я вижу только бессмысленные линии.

— Смотри глубже, — его голос стал низким, почти приказом, проникающим прямо в нервные окончания. — Твой

разум сопротивляется, потому что боится признать силу, которую ты носишь. Перестань цепляться за свой иллюзорный контроль и посмотри на то, что у тебя под ребрами.

Он обошел стол и встал за моим левым плечом так близко, что я физически ощущала жар его тела сквозь тонкую ткань рубашки. Одна его рука опустилась на спинку моего стула, полностью отрезая пути к отступлению, а вторая накрыла мои дрожащие пальцы, лежавшие на пергаменте.

От соприкосновения его перчатки с моей кожей по руке пробежала дикая, обжигающая искра. Жар моего огня взметнулся в ответ с бешеной силой, сталкиваясь с его темным, тяжелым пламенем. Между нашими пальцами заискрился тонкий белый пар, оседая крошечными каплями влаги на древней бумаге.

Она упряма до отвращения.

Я снова услышала его голос в своей голове — резкий, раздраженный и одновременно опьяненный этим сопротивлением.

Каждое ее движение отзывается под моей кожей так, будто она касается меня напрямую. Эта девчонка понятия не имеет, какую игру ведет.

— Что ты... — судорожно выдохнула я, пытаюсь дернуть руку, но его пальцы держали мое запястье с железной непреклонностью.

— Я помогаю твоему разуму услышать то, что знает твоя кровь, — прошептал он мне в самое ухо, и от его горячего дыхания у меня по коже побежали мурашки. — Читай, Блум. Сейчас же.

Я зажмурилась на секунду, собирая остатки воли, и заставила себя всмотреться в золотящиеся руны. Невероятным образом туман в голове начал рассеиваться. Слова складывались сами собой, рождаясь на языке помимо моей воли, гортанные, тяжелые, звучащие как древнее заклинание:

— Aeterna ignis... vobis impero...

Сорвавшееся с моих губ слово отозвалось в груди мощным, болезненным толчком. Огонь под ребрами взревел, вырываясь из-под контроля, и воздух вокруг нас пошел трещинами от магического давления. Свечи на столе затрещали и погасли в один миг, погружая библиотеку в глубокую, плотную темноту, освещенную лишь зловещим золотым свечением из-под моих пальцев.

— Правильно, — выдохнул Валтор, наклоняясь ближе. Его губы почти касались моего уха, а широкая грудь прижималась к моей спине так плотно, что я чувствовала каждый удар его тяжелого, сбивчивого сердца. — А теперь держи. Не позволяй ему сорваться.

Его вторая рука скользнула по моему плечу вниз, обжигая жаром через ткань топа, и легла на мой обнаженный живот, притягивая меня к нему вплотную. Разум кричал об опасности, требуя вырваться, ударить его пламенем, оттолкнуть, но тело предательски выгибалось навстречу этому жесткому, властному прикосновению, сгорая от безумного, запретного притяжения.

Ее огонь уже принадлежит мне, даже если ее гордый язык все еще пытается спорить.

— Ты используешь меня... — прошептала я, чувствуя, как голос изменяет мне.

— Я учу тебя выживать в мире, который хочет тебя уничтожить, — его голос звучал как приговор, не оставляя на-

дежды на спасение. — Привыкай к этому, фея. Теперь твой огонь горит не для Алфеи. Он горит для меня.

В этот момент за тяжелой дубовой дверью библиотеки раздался резкий, металлический скрежет и приглушенный, полный ярости шепот Сторми, пробивающийся сквозь толщу камня:

— Она все еще там... Если он снова закроется с ней наедине, я выбью эту чертову дверь к чертям собачьим!!!

Темнота вокруг нас сгустилась до предела, а огонь под моими ребрами, подстегиваемый близостью Валтора и угрозой извне, взорвался яркой вспышкой, готовой разнести этот замок на куски.

Глава 7

Валтор медленно убрал ладонь с моей талии, лишая мое тело своего плотного, удушливого тепла. Фиолетовое пламя, бушевавшее в его серых глазах, мгновенно угасло, сменившись ровной и холодной сталью. Он не стал оборачиваться к дверям, лишь слегка повел пальцами правой руки в сторону выхода.

Тяжелые дубовые створки библиотеки распахнулись сами собой под напором невидимой волны его магии, с глухим стуком ударившись о стены коридора.

За порогом обнаружились ведьмы. Айси, Дарси и Сторми стояли в полумраке галереи, не успев скрыться. Их напряженные позы выдавали то, с каким нетерпением они прижимались к замочной скважине секунду назад. На их лицах на мгновение отразился испуг от резкого разоблачения, смешанный с раздражением.

Маг прошел мимо них молча. Его шаги были тяжелыми, размеренными, а лицо оставалось неподвижной каменной маской. Он не удостоил сестер даже коротким взглядом, проигнорировав их присутствие с тем леденящим высокомерием, которое было привычно для него в моменты раздражения. Его темный силуэт быстро растаял в темноте переходов западного крыла.

Когда его шаги стихли, Айси сделала шаг вперед, переступая порог библиотеки. Ее ледяные глаза скользили по моей растрепанной косе, по обнаженным плечам, открытому животу и короткой юбке, в которой я стояла, прислонившись спиной к дубовому столу. Другой одежды у меня не было, и этот открытый наряд заставлял меня чувствовать себя беззащитной под их прицельными взглядами.

— Смотри, как вырядилась эта рыжая сучка, — процедила Сторми, скрестив руки на груди и не скрывая брезгливой

усмешки. — Думает, если он тратит на нее время, она стала важной. Обычная пленница на коротком поводке, которую держат здесь ради забавы.

— Пойдемте, сестры, — велела Айси ровным, безразличным тоном. — Пусть тешится. Очень скоро она сама поймет свое истинное место в этом замке.

Они развернулись и бесшумно удалились, оставив меня наедине со звенящей пустотой огромного зала.

Я осталась в библиотеке. Возвращаться в свою спальню, где стены давили холодом, казалось невыносимым. Я опустилась прямо на каменные плиты пола между высокими книжными стеллажами, прислонившись спиной к массивному шкафу. Обнаженная кожа живота и коленей быстро покрылась мурашками от гуляющих сквозняков, но внутри меня продолжал тлеть злой, лихорадочный жар, не позволявший замерзнуть окончательно.

Я положила раскрытую книгу на колени и невидящим взором уставилась на стародоминские руны. Мысли упрямо возвращались к Скаю. Ищет ли он меня? Что сейчас происходит в Алфее? Тяжесть контракта давила на грудь. Даже если Скай найдет этот замок, я не смогу уйти — мое слово держало меня крепче железных кандалов, пока приемные родители оставались в безопасности за пределами этих стен. Объяснить ему это казалось невозможным, и от бессилия горло сдавил сухой спазм.

Время тянулось медленно, перевалив далеко за полночь.

Я сидела неподвижно, всматриваясь в темноту между стеллажами, пока тишину коридора снова не нарушил шорох шагов. Я инстинктивно вжалась в нишу шкафа, стараясь не шевелиться.

За стеной библиотеки, в соседнем кабинете мага, слышались голоса.

— Наша рыжая гостя все еще сидит там, — раздался тихий, свистящий шепот Айси, пробивающийся сквозь щели в каменной кладке.

— Пусть сидит, — ответил голос Валтора.

В ту же секунду угол страницы стародоминской книги на моих коленях внезапно покрылся тонким слоем сизого инея. Ледяные иглы медленно поползли по бумаге, замораживая тепло переплета и превращая золотистые руны в тусклые серые знаки. Это был знак от Айси — холодный, издевательский маркер того, что она знает о моем присутствии за стеной.

Я замерла, боясь сделать глубокий вдох. А затем за тонкой перегородкой раздались другие звуки.

Резкий, сухой скрежет ножек дубового стола о каменный пол. Скрип дерева под чужой тяжестью. Влажный, прерывистый вздох ведьмы.

— Валтор... — хрипло выдохнула Айси.

Ритмичные, жесткие удары тел о столешницу становились все быстрее, неотвратимее. Звуки совокупления ведьмы и мага доносились с ужасающей отчетливостью, заполняя пу-

стоту библиотеки. Айси стонала навзрыд, выкрикивая его имя, теряя остатки своего ледяного самообладания. Ей вторил низкий, утробный рык Валтора. Его хриплые, животные стоны вибрировали в камне стены, прошивая мое тело насквозь.

Живот сжался в тугой, болезненный узел. Я прижала ладони к ушам, зажмурившись до боли, но звуки проникали сквозь пальцы, заставляя кожу гореть от постыдной дрожи. Огонь под ребрами взревел от яростной, слепой ненависти к нему, к Айси и к собственной физиологии, которая отзывалась на этот кошмар лихорадочным жаром.

Не выдержав, я вскочила и бросилась вон из библиотеки, не разбирая дороги в темноте переходов, пока не захлопнула за собой дверь спальни. Но даже уткнувшись лицом в подушку, я продолжала слышать его стоны. Они звучали в голове помимо моей воли, отравляя сознание. Я лежала без сна до самого утра, сгорая от ярости и унижения, желая только одного — высказать ему все прямо в лицо.

Рассвет принес лишь серый туман за окном. На завтрак в западном крыле мы сидели за противоположными концами длинного стола. Валтор, одетый в темную шёлковую рубашку, листал бумаги и не поднимал глаз.

— Ты плохо спала, Блум, — произнес он ровно, перелистывая лист пергамента.

— Твои заботы ограничиваются границами замка, Валтор, — процедила я, сжимая в руке ложку так сильно, что

металл больно врезался в пальцы.

— Твой огонь коптит. Он реагирует на каждый твой внутренний всплеск, — спокойно констатировал маг, так и не взглянув на меня.

В комнате повисла тяжелая тишина. Я смотрела на его безупречный вид, на его расстегнутый воротник, и перед глазами вставал образ ночного стола. Наконец, я не выдержала.

— Я была в библиотеке ночью, — глядя ему прямо в глаза, твердо произнесла я. — Сидела прямо за этой стеной и пыталась читать. И если вы с Айси решили устраивать свои грязные свидания в соседнем кабинете, делайте это хотя бы тише. Это элементарные правила приличия, Валтор. Или ты решил превратить свой замок в публичный дом?

Валтор медленно положил бумаги на стол. Его серые глаза сузились, фиксируя мою ярость.

На его лице не отразилось ни единой эмоции. Ее яростная, слепая ревность принесла его темному огню почти физическое удовлетворение. Он медленно поднялся, нависая надо мной всей своей огромной фигурой.

— Мой замок — это то место, где я делаю все, что пожелаю, искра, — его голос понизился до опасного, вкрадчивого рокота. Он оперся руками о столешницу, наклоняясь ко мне так близко, что я почувствовала жар его кожи. — И если я захочу сорвать голос ведьмы на этом самом столе, тебе придется сидеть тихо и слушать.

Я задохнулась от возмущения, чувствуя, как лицо залива-

ет пунцовый жар.

— Ты чудовище, Валтор, — прошипела я, готовая ударить его пламенем прямо в грудь.

— Возможно, — спокойно ответил он, выпрямляясь и забирая бумаги. — Но урок стародоминского состоится сегодня в девять вечера. Не опаздывай.

Он развернулся и вышел, оставив меня наедине с кипящей злостью. Я ненавидела его высокомерие, его безразличие и то, как сильно меня ранил этот обман.

Весь день я провела в своих покоях, пытаюсь упорядочить мысли. Ненависть к магу мешалась со странным, пугающим чувством опустошения. Я понимала, что нахожусь во власти человека, для которого не существует правил, и это осознание парализовало волю.

Вечером, когда замок погрузился во мрак, я вышла из комнаты, направляясь к западной галерее. Внезапно тишину коридора разорвал оглушительный грохот. Звук удара тяжелого тела о каменную стену сменился резким, испуганным вскриком Сторми и глухим стоном Айси.

Я инстинктивно прижалась к нише стены, бесшумно приближаясь к приоткрытой двери темного зала.

Внутри горел лишь один факел. Валтор стоял посреди комнаты, окутанный тяжелым фиолетовым пламенем. Его пальцы намертво сжимали горло Айси, прижатой спиной к холодному камню. Ее ноги едва касались пола, а Сторми и Дарси испуганно жались в углу, не смея вмешиваться.

— Какого хуя ты творишь, Айси? — его голос вибрировал от бешеного, с трудом сдерживаемого гнева, заставляя каменные своды мелко дрожать. — Ты использовала Дарси, чтобы создать эту блядскую иллюзию за стеной библиотеки. Я не разрешал вам лезть в ее разум с вашим дешевым мороком.

Айси хрипела, цепляясь ногтями за его железное запястье. Ее лицо посинело от нехватки воздуха, но она упрямо держала маску ледяного превосходства. Ведьма улыбнулась сквозь боль по-сучьи, кривя разбитые губы в издевательской ухмылке.

— Ты взбесился из-за глупого звукового морока? — вы-
давила она, прерывисто дыша. — Какая нежность к девчон-
ке. Но что ты сделаешь, когда она узнает правду? Ведь то,
что происходит со Скаем на Эраклионе — это не иллюзия.
И ты не сможешь это скрыть.

Валтор замер. Его челюсть окаменела от напряжения, а
пальцы на ее горле на секунду сжались еще сильнее. Он не
произнес ни слова в защиту принца, не стал возражать. Он не
мог возразить против правды, и это молчание мага ударило
по мне сильнее любого заклинания.

Я стояла в темноте коридора, чувствуя, как земля уходит
из-под ног, а собственный огонь вздрагивает от холодного,
липкого ужаса перед тем, что скрывали эти слова.

Глава 8

Темный шелк простыней оставался ледяным, но даже этот холод не спасал от сжигавшего изнутри жара, который медленно поднимался от бедер к самой грудной клетке. Я не снимала свою помятую одежду, оставшуюся со дня прибытия в цитадель, и эта запыленная, пропахшая гарью ткань казалась чужеродной, стягивая тело и только усиливая ощущение плена. Сквозняк из открытого окна приносил запахи сырого камня и озона, но морозный воздух оседал на горячей коже бесполезной влагой, пока Огонь Дракона глухо и неровно пульсировал в такт рваному дыханию.

Я металась по постели, сбивая подушки и тщетно пытаюсь унять лихорадочную дрожь. В ушах до сих пор стоял навязчивый грязный морок — те низкие, хриплые мужские стоны, сотворенные Дарси за стеной библиотеки и заставлявшие сгорать от дикой, постыдной ревности. Разум упорно возвращал в недавний бред, где пальцы Валтора бесцеремонно ласкали изнутри, а его тяжелая широкая ладонь намертво зажимала мне рот, заглушая крик удовольствия. В том сне я всем телом ощущала жесткое, свинцовое напряжение под плотной тканью его брюк, прижимавшихся к бедру, и понимала, насколько этот мужчина огромен. Осознание того, что он может в любую секунду сломать мое сопротивление и взять силой, но сдерживает своего внутреннего зверя,

разжигало пламя внизу живота с новой, пугающей мощью.

Я ненавидела его. Ненавидела всей душой, до кровавых слез и скрежета зубов. Но мое собственное тело вело себя как предатель, полностью выйдя из-под контроля разума. И дело было не во мне. Наш Огонь Дракона имел одну и ту же древнюю, первородную природу, и этот замок, пропитанный его аурой, действовал на меня как катализатор. Стоило Валтору коснуться меня в реальности, как его темная искра пробила мои защитные барьеры, оставив неизгладимый отпечаток в крови. Мой огонь инстинктивно, на животном уровне тянулся к его пламени, требуя слияния с более сильным хищником, полностью игнорируя мои чувства к Скаю и мою ненависть к самому магу. Это было чистое физиологическое наваждение, магия крови, насильно разжигающая во мне желание, которое я не могла заглушить.

Живот скрутило острой, болезненной судорогой от воспоминания об этой властной сдержанности. Ладонь сама собой потянулась к вырезу топа, быстро стягивая запяленный трикотаж через голову и отбрасывая в сторону. Следом на холодные каменные плиты полетела короткая юбка. Оставшись полностью обнаженной, я опустилась на ледяные простыни, подтягивая колени к груди от охватившего тело озноба. Но изнутри продолжал полыхать невыносимый, душный жар. Я рвано вздохнула, оглаживая ладонями чувствительную кожу бедер, а затем медленно сдвинула в сторону узкую полоску шелковых трусиков. Пальцы коснулись влажных, горячих

складок в самом центре лона, лаская нежную плоть снаружи, а после скользнули глубже, проникая в тесную, скользкую глубину. Я выгнулась в спине, зажмурившись от этого мучительного ритма и тихо застонала в подушку, представляя, что это не мои пальцы, а его горячая, жесткая ладонь изводит меня.

В моем кабинете царил привычный холод, но меня изнутри сжирал лихорадочный, отвратительный зуд. Собственная темная магия мелко дрожала под кожей, отзываясь на ментальный пульс из гостевых покоев. Я резко выпрямился и взмахнул рукой над столом, заставляя стеклянную сферу очиститься от фиолетовой дымки.

Я рассчитывал увидеть девчонку плачущей от бессилия или пытающейся взломать замки, но очистившееся стекло показало картину, от которой по венам ударил жидкий огонь. Блум была полностью раздета. Ее бледное тело резко контрастировало с темным шелком простыней, а рыжие волосы разметались по подушке. Дыхание с хриплыми стонами доносилось из сферы с пугающей четкостью. Я заворуженно смотрел, как она разводит колени, запуская пальцы в собственную теснину, извиваясь на моих простынях. Девчонка бредила мной, ее тело плавилось от воспоминаний о моих прикосновениях, хотя разум захлебывался ненавистью. Я сходил с ума, глядя на то, как ее пальцы скользят по влажным лепесткам. *Utinam singulas corporis tui particulas lambere*

possem...*

Мой член под брюками налился свинцовой тяжестью, до боли пульсируя от дикого голода. Мне хотелось сорваться с места, развести ее бедра и заполнить ее собой до предела, заставив сорвать голос и кончить глубоко внутрь ее тесного, горячего лона, чтобы ее огонь навсегда смешался с моей тьмой.

Блять...

Моя ладонь сама собой дернулась вниз, пальцы с силой сжали ткань брюк поверх вставшего члена, пытаюсь раздавить эту мучительную, свинцовую тяжесть. Возбуждение сдавило легкие, мешая сделать вдох. Я смотрел на то, как фея извивается на простынях, и сходил с ума от желания тотчас ворваться в ее покои, опрокинуть девчонку на прохладный шелк и заполнить ее собой до предела, заставляя сорвать голос, пока она не позабудет все, кроме моего имени. Но контракт связывал по рукам и ногам, и если я сорвусь, то потеряю ее навсегда. От этого бессилия в голове бешено закрутилась мысль пойти в комнату Айси. Жестко выебать эту похотливую шлюху прямо на каменном полу ее башни, выплеснуть накопившуюся ярость, дабы проклятый огонь наконец отпустил меня. До появления рыжей мы действительно иногда трахались в полумраке замка, когда требовалось сбросить пар, и сейчас безумно хотелось взять ледяную ведьму до хруста в костях, чтобы она всю следующую неделю боялась приблизиться и прекратила досаждать своими вечны-

ми заговорами. Но один образ ее тела вызывал лишь глухое раздражение. Я понимал, что ее холод не потушит бушующий пожар.

Процедив проклятие сквозь сжатые зубы, я резко взмахнул рукой, гася сферу и погружая кабинет во тьму.

Спустя минуту я уже шел по каменному коридору в сторону библиотеки, надеясь вернуть контроль в чтении древних трактатов. Но когда открыл тяжелый фолиант на случайной странице, буквы расплывались перед глазами, упрямо складываясь в контуры девичьих линий, ласкающих влажную кожу.

Серый рассвет едва пробивался сквозь узкую бойницу спальни, ложась на холодный каменный пол тусклыми, безжизненными полосами. После мучительной, рваной ночи я лежала на постели, уставившись в потолок и безуспешно пытаясь унять внутреннюю дрожь. В горле до сих пор стоял горьковатый привкус недавних мыслей, а тело ныло от напряжения.

Слова Айси, подслушанные накануне вечером в коридоре, звенели в ушах непрекращающимся набатом, отравляя каждую мысль.

«То, что происходит со Скаем на Эраклионе — это не иллюзия. И ты не сможешь это скрыть».

Что за правда? Что происходит на его планете? Жив ли он вообще, или ведьмы приготовили для меня очередной круг

ада, о котором я даже не догадываюсь? Мысли метались в голове, как пойманные птицы, разбиваясь о глухую, каменную реальность моего плена. Мой внутренний огонь реагировал на эту мысленную пытку неровными, болезненными вспышками, толкаясь под ребрами тяжелым, удушливым жаром. Я до боли сжала челюсти, ненавидя свое бессилие. Я была заперта здесь, связана договором с врагом, пока где-то там рушился мой мир.

Мои размышления были грубо прерваны. Тяжелая дубовая дверь спальни распахнулась без стука, с глухим стуком ударившись о стену.

Я инстинктивно дернулась, натягивая ледяное шелковое покрывало до самого подбородка, чтобы скрыться от вошедшего.

На пороге стоял Валтор. Его высокая, мощная фигура почти полностью перекрывала дверной проем. На нем были темные брюки и расстегнутый у горла камзол, из-под которого веяло плотным, обжигающим жаром первородного огня. Его серые глаза скользнули по моей постели, фиксируя испуганное движение.

Он посмотрел на угол комнаты, где на полу лежали мои грязные, измятые вещи. На ткани чернели следы копоты и пепла, оставшиеся после вчерашнего неконтролируемого всплеска магии во время урока.

— Твои лохмотья осыпаются пеплом на мои полы, Блум, — произнес он, и его низкий голос прозвучал жестко, с от-

четливой хрипотой. — Какого черта ты до сих пор в этом?

Валтор раздраженно дернул плечом, и его глаза опасно сузились. Он шагнул к комоду и бросил на него плотный сверток из темной материи.

— У меня нет другой одежды, если ты не заметил, — процедила я сквозь зубы, сверкая глазами из-под покрывала. — И мне не нужны твои подачки.

— Это не подачки, живо переодевайся. Через полчаса жду тебя в библиотеке. У нас много работы, и я не намерен тратить время на твои капризы.

Он развернулся и вышел, не прикрыв за собой дверь.

Я сбросила покрывало, подошла к комоду и развернула ткань. Внутри оказалась его большая черная рубашка из тонкого, мягкого хлопка. Стоило мне взять рубашку в руки, как в нос ударил резкий запах озона, горького дыма и нагретого металла. Этот запах намертво ассоциировался с его темным пламенем, заставляя кожу на моих руках покрыться мурашками.

Я натянула рубашку. Ткань скользнула по телу, лаская кожу, но рубашка была мне слишком велика. Рукава свисали далеко за пальцы, и мне пришлось несколько раз подвернуть их у запястий. Подол рубашки доходил до середины бедер, полностью закрывая ягодицы, но оставляя ноги обнаженными. Я посмотрела на себя в зеркало. Отражение выглядело странно и пугающе: фея в одежде темного мага, носящая на себе его запах и его метку подчинения.

В библиотеке мгновенно разлилось такое плотное напряжение, что воздух казался раскаленным. Валтор резко выпрямился в кресле, его челюсть окаменела при виде меня в его одежде, а серые глаза с фиолетовым отливом медленно скользнули по моим обнаженным ногам.

— Садись, — приказал он, кивнув на стул напротив себя.

Я опустилась на деревянное сиденье, стараясь не смотреть на него. Перед нами лежал открытый фолиант с древними текстами Домино.

— Переводи вторую строку, Блум, — произнес он ровно. — Ты обязана учиться стародоминскому, если не хочешь сгореть от собственного Огня Дракона. Твоя магия нестабильна, и без контроля ты сдохнешь быстрее, чем закончатся эти тридцать дней.

Я всмотрелась в незнакомые руны. Символы расплывались перед глазами, голова гудела, а мысли упорно возвращались к вчерашнему разговору ведьм в коридоре. Почему Валтор промолчал, когда Айси сказала, что это правда?

— Я не могу сосредоточиться, — процедила я, отодвигая книгу. — Вчера Айси говорила о Скае. Что происходит на Эраклионе? Какую правду ты скрываешь?

Серые глаза Валтора сузились. Его лицо мгновенно окаменело, а фиолетовое пламя в глубине зрачков опасно вспыхнуло.

— Твоя задача — учить язык, Блум, — его голос прозвучал

чал тихо, но в нем лязгнул металл. — Происходящее за пределами этого замка тебя не касается. Читай.

— Нет! — я резко встала, упираясь ладонями в стол. Рубашка натянулась на груди, привлекая его взгляд, но мне было плевать. — Ты знаешь, что там происходит! Почему ты промолчал, когда она сказала, что это правда? Скай в опасности?

Валтор поднялся следом. Он возвышался надо мной всей своей огромной фигурой, и его темное пламя буквально душило воздух вокруг нас.

— Какого хуя ты позволяешь себе допрашивать меня в моем собственном замке? — прорычал он, и его пальцы со свистом сжали край стола. — Твой принц сам сделал свой выбор, Блум. И его выбор тебе не понравится. Читай чертову строку, или этот урок закончится так, что ты пожалеешь, что вообще научилась говорить.

Я смотрела в его полыхающие гневом глаза, чувствуя, как внутри все сжимается от страха и бессильной злости. Он знал. Он знал что-то ужасное о Скае, и эта правда висела между нами раскаленным углем, готовым сжечь все границы.

* *Utinam singulas corporis tui particulas lambere possem...* (лат.) — «Если бы я только мог вылизать каждый миллиметр твоего тела...»

Глава 9

Сырой полумрак подземелья пах плесенью, застоявшейся болотной водой и вековым камнем. Дарси лениво покачивалась в тяжелом деревянном кресле, закинув ногу на подлокотник и молча наблюдая за тем, как Сторми в бешенстве запускает мелкие фиолетовые молнии в полуразрушенную кладку стены. Айси сидела в стороне, безучастно рассматривая свои длинные ногти, покрытые коркой тонкого инея. Тишину подвала нарушал лишь сухой треск электрических разрядов и приглушенный вой ветра в вентиляционных шахтах.

— Меня заебало это дерьмо, — прорычала Сторми, резко разворачиваясь. Ее фиолетовые кудрявые волосы растрепались от злости. — Валтор опять торчит в библиотеке с этой рыжей сучкой. Какого черта мы вообще здесь сидим, пока он возится с девчонкой?

Дарси цинично усмехнулась, огладив пальцами прохладный бархат обивки.

— Успокойся, мелкая. Он просто развлекается. Думаешь, ему интересна эта правильная кукла? Девчонка строит из себя недотрогу, но это ненадолго.

Айси медленно подняла голову. Ее ледяной взгляд скользнул по сестрам, заставляя воздух вокруг них промерзнуть еще на несколько градусов.

— Он уделяет пленнице слишком много времени, — ле-

дяным тоном произнесла она. — Это уже не похоже на простое развлечение. Если она доберется до его магии или, что еще хуже, он сам решит использовать Огонь Дракона в обход нас, мы останемся ни с чем. Ее нужно сломать.

— И как ты собираешься это сделать? — Дарси приподнялась в кресле, и ее губы искривились в издевательской улыбке. — Рыжая держится за свои нелепые идеалы. Она думает, что ее смазливый принц Скай прилетит на белом коне и вытащит ее отсюда. Чистая, блять, любовь. Тошнит от этой сентиментальной чуши.

Сторми фыркнула, усаживаясь на каменный выступ.

— Да уж, принц. Такой же ублюдок, как и все остальные.

Айси медленно поднялась со стула. Острые ледяные шипы начали расти на стенах подземелья, откликаясь на ее раздражение.

— Именно поэтому мы лишим ее этой веры. Помнишь, о чем шептались слуги из Эраклиона? Скай уже нашел утешение. Дарси, подготовь зеркало теней. Покажем нашей феечке, какая суровая реальность ждет ее за пределами замка.

— С удовольствием, — Дарси рассмеялась, поднимая руки. Вокруг ее ладоней закрутилась темная, фиолетовая дымка, оседая на зеркальной глади лужи посреди каменного пола подземелья.

Я спустилась в подземелье совершенно случайно, надеясь найти проход в дальние погребки восточного крыла или хотя

бы скрыться от давящего присутствия Валтора. После утреннего спора в библиотеке в моих венах все еще клокотала бес- сильная ярость, а его слова о том, что выбор Ская мне не понравится, раскаленным гвоздем сидели в мозгу.

Обнаженные ноги мгновенно замерзли в сырых переходах, а соски под тонкой тканью затвердели от сквозняка, причиняя почти физический дискомфорт при каждом шаге. Но я упрямо шла вперед, прижимаясь плечом к холодным плитам.

У развилки коридора я замерла, услышав голоса ведьм.

Я инстинктивно вжалась в тень арки, сдерживая дыхание. Огонь под моими ребрами испуганно затаился, уступая место холодному, липкому страху.

— Смотрите, сестры, — раздался довольный голос Дарси из глубины зала. — Картинка четкая, как живая.

Я осторожно заглянула внутрь. Посреди темного подвала в воздухе висела мерцающая, темно-фиолетовая проекция, искажающая пространство. Пространство коридора будто раздвинулось, превращаясь в роскошные, залитые золотистым светом покои дворца на Эраклионе. На широкой постели, усыпанной шелковыми подушками, отчетливо виднелась фигура Ская.

Мое сердце пропустило удар, а в горле застрял беззвучный крик.

Скай лежал в объятиях Диаспоро. Его обнаженное тело переплеталось с ее телом в откровенной, ленивой нежности.

Он легко касался губами ее плеча, запуская пальцы в светлые волосы принцессы, и шептал ей слова ласки, от которых меня мгновенно замутило. На его лице отражалось абсолютное, спокойное удовлетворение человека, который забыл обо мне навсегда.

Это не было иллюзией. Это не был морок Дарси — магия проекции вибрировала чистой, реальной энергией пространства Эраклиона. Скай действительно был там, с ней, в эту самую минуту, пока я сходила с ума от страха за него в застенках Валтора.

— Какая прелесть, — ядовито рассмеялась Сторми, указывая пальцем на изображение. — Посмотри, как твой принц развлекается, рыжая сучка! Ему глубоко похуй на твои страдания.

Я не заметила, как сделала шаг вперед, выходя из тени дверного проема. Искры Огня Дракона вспыхнули вокруг моих запястий золотым пламенем, обжигая рукава черной рубашки.

— Вы лжете... — мой голос сорвался на хриплый, рваный шепот. — Это очередной ваш морок!

Трикс резко обернулись, и на их лицах отразилось хищное, злорадное торжество. Айси медленно сделала шаг ко мне, и под ее ногами закрипел нарастающий лед.

— Морок? — ведьма улыбнулась своей холодной, сучьей улыбкой. — Дарси способна обмануть твой разум звуками, Блум. Но зеркало теней не врет. Это реальность. Твой нена-

глядный Скай уже сделал Диаспоро своей королевой. Он предал тебя. И Валтор знал об этом с самого начала, поэтому так легко отпустил твоих родителей и запер тебя здесь. Ты никому не нужна, феечка.

Слова Айси падали на меня раскаленными камнями, пробивая остатки ментальной защиты. Мой мир, который я так отчаянно пыталась спасти, рухнул в один миг, рассыпаясь грязным пеплом под ногами. Валтор действительно знал. Он знал и молчал, глядя на мое унижение на утреннем уроке с той же предвкушающей ухмылкой.

Живот скрутило спазмом такой дикой, удушающей боли, что я согнулась пополам, хватаясь руками за край пояса на рубашке. Огонь под ребрами взревел золотым ураганом, вырываясь из-под контроля. Магия металась под кожей, готовая сжечь все вокруг, превращая мои вены в раскаленные каналы.

— Пошла нахуй! — закричала я, направляя вспышку яростного пламени прямо в лицо Айси, но ведьма легко выставила ледяной щит, который раскололся с оглушительным звоном.

Я развернулась и бросилась прочь из подземелья, не разбирая дороги, задыхаясь от слез и душащей ярости. Тонкая рубашка Валтора липла к моему телу от холодного пота, а открытые ноги заплетались на каменных ступенях. В ушах до сих пор звенел издевательский смех Трикс и тихий, нежный шепот Ская, обращенный к другой.

Я вбежала в свою спальню, захлопнула дверь и рухнула на постель, задыхаясь от рыданий. Мой огонь бушевал в груди, угрожая разорвать легкие. Но больше всего меня жгла ненависть — яростная, слепая ненависть к Скаю, который предал меня, к Трикс, растоптавшим мою душу, и к Валтору, который знал правду и сделал меня своей безмолвной игрушкой.

Интрига его молчания и того, что он планировал делать дальше со мной и моим нестабильным пламенем, зависла в холодном воздухе спальни, предвещая скорую катастрофу.

Глава 10

Темнота за окном казалась осязаемой, густой, забивающей в легкие вместе с ледяной пылью замковых сквозняков. Я сидела на краю постели, обхватив плечи руками, и пыталась унять дрожь, которая била меня изнутри с самого возвращения из подземелья. Образ Ская, ласкающего Диаспоро в роскошных покоях Эраклиона, выжженной раной засел в сознании. Каждое воспоминание о его клятвах верности теперь казалось издевательством, дешевым фарсом, в который я так глупо верила.

Он предал меня. Пока я здесь, в этом проклятом каменном мешке, задыхаясь от ненависти и страха за родителей, оставшихся на Земле под смертоносным гнетом его теневой метки, мой принц сжимал в объятиях другую.

А Валтор... Валтор знал об этом с самого начала. Его утреннее молчание, его едкие слова о том, что «выбор Ская мне не понравится» — все встало на свои места. Он наблюдал за мной через свою сферу, как за лабораторной крысой, зная каждую деталь этого предательства и наслаждаясь моим слепым упрямством. Огонь под ребрами метался в безумной агонии, раскаляя кровь добела и угрожая прорвать последние барьеры самоконтроля.

Дверь в мою спальню распахнулась без стука.

В проеме возник Валтор. На нем был темный притален-

ный камзол, а в серых глазах с фиолетовым отливом читалось хищное, опасное напряжение. Он явно почувствовал этот дикий всплеск нестабильной магии, которая едва не сжигала постельное белье под моими ногами.

— Твой гнев коптит весь восток замка, Блум, — произнес он низким, глухим голосом, делая шаг внутрь. — Если ты решишь сжечь эти стены из-за своей истерики, тебе придется строить их заново собственными руками.

Я медленно подняла голову. Слезы высохли, оставив на щеках лишь жгучее ощущение соли, а в голубых глазах полыхала чистая, кристальная ненависть. Я была одета в его черную рубашку на голое тело — без белья, которое пришло в негодность. Запах озона и гари, исходивший от ткани, сейчас казался частью того же обмана.

— Ты знал, — мой голос прозвучал тихо, но в нем звенел металл. — Ты знал с самого начала, что Скай предал меня.

Валтор остановился в нескольких шагах от кровати. На его лице не дрогнул ни один мускул.

— И что изменилось бы, если бы ты узнала об этом на день раньше? — холодно бросил он. — Твой принц слаб, Блум. Его верность рассыпалась от первого же дуновения политического ветра на Эраклионе. Ты оплакиваешь то, чего никогда не существовало.

— Заткнись! — сорвалась я, вскакивая с постели. Руки сами собой взметнулись вверх, испуская сноп ослепительных золотых искр, которые обожгли воздух в сантиметре от

его плеча. — Ты знал и молчал! Ты наблюдал, как я цепляюсь за эту ложь, как пытаюсь выжить ради человека, который променял меня при первой же возможности!

Валтор не отступил ни на шаг. Его темное пламя взметнулось в ответ мощной, удушливой волной, мгновенно прижав меня к стене рядом с кроватью невидимым магическим прессом. Воздух исчез из легких, а в ушах зашумела раскаленная кровь. Я не могла пошевелиться, скованная его подавляющей силой.

Он мгновенно сократил расстояние до минимума, вжимая свое массивное тело в мое. Жар его корпуса обжигал сквозь рубашку, а в лицо дышало ледяным озоном. Одним жестким движением он перехватил мои запястья, заламывая их над моей головой и прижимая к каменной стене.

— Не смей повышать на меня голос, фея, — прошипел он, наклоняясь так близко, что его губы едва не касались моих. В глубине его фиолетовых зрачков полыхал опасный голод. — Твой Скай — пустое место. Он предал тебя не потому, что я позволил ведьмам показать это, а потому что он трус, не способный вынести силу, которую ты носишь в себе. Ему нужна была послушная кукла, а не огонь, способный сжечь королевство.

Его свободная рука медленно опустилась на мое бедро. Тонкая черная рубашка задралась вверх, и его крупные, горячие пальцы легли на абсолютно обнаженную кожу. Я судорожно вздохнула, пытаясь дернуться, но его хватка на моих

запастях была железной, а тело навалилось сильнее, лишая возможности шевельнуться.

Медленно, дразняще Валтор провел ладонью вверх по моему бедру, его пальцы скользнули к самой интимной складке лона, мгновенно намокая в выступившей от страха и возбуждения влаге. Мое тело предательски выгнулось навстречу его руке, а дыхание сорвалось на рваный всхлип.

— Ты плачешь по нему, — хрипло прошептал Валтор, прижимаясь подушечкой большого пальца к чувствительному бугорку и жестко надавливая. — Но течешь от меня. Твое тело знает правду, Блум. Твоя кровь бредит мной, пока твой глупый разум пытается оплакивать предателя.

— Пусти... ублюдок... — прошептала я, чувствуя, как от его ритмичных нажатий внизу живота разгорается душный, непреодолимый пожар, лишаящий сил бороться. Тело плавилось, сдаваясь на милость победителю, полностью игнорируя мою ненависть.

— Никогда, — выдохнул он прямо в мои губы, обжигая дыханием. — Ты будешь выть от боли и удовольствия под моими руками, Блум. Но ты забудешь имя своего принца раз и навсегда.

Он резко отпустил мои руки и убрал ладонь с моего паха, делая шаг назад. Я едва не упала на пол — колени полностью отказали мне, мелко дрожа. Спасительная прохлада простыней приняла мое обмякшее тело, пока Валтор, застегивая камзол и тяжело дыша, смотрел на меня сверху вниз с

темной, собственнической яростью.

— Приведи себя в пристойный вид к завтрашнему утру,
— бросил он глухо. — Урок начнется в девять. Запахнись и
застегни все пуговицы этой чертовой рубашки.

Он развернулся и стремительно вышел, хлопнув дверью.

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.